

СТАНОВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ И ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ

Экологическое просвещение как существенный момент всеобъемлющего комплекса мероприятий по предотвращению глобальной экологической катастрофы в своей основе преследует такое изменение установок массового обыденного сознания, при котором удовлетворение человеческих потребностей увязывается с потребностями биосферы. То есть предполагается внедрение такой системы ценностей, когда динамика биосферы становится фактором, постоянно принимаемым в расчет как фактор социальной динамики. На уровне индивида это означает согласование его действий, жизненных ориентаций с задачами сохранения природной среды.

Проблема эффективности экологического просвещения состоит в том, что современная экофобная стратегия природопользования, сопряженная с массовыми потребительскими установками, воспроизводит индустриальной системой производства-потребления. Эта система замкнута на потребности своего функционирования. Ее негэнтропия поддерживается за счет возрастания энтропии в биосфере. Проблема преодоления экологического кризиса – это проблема достижения оптимального соотношения энтропии-негэнтропии в системе «социотехносфера-биосфера»¹. Путь к ее разрешению – переориентация потребительских установок в соответствии с учетом сохранения равновесия в биосфере, задающая новые, экофильные, стратегии развертывания индустриальной системы.

Переориентация обыденного сознания предполагает внедрение и закрепление в культуре таких основополагающих вариантов интерпретации антропоприродной соразмерности, которые будут способствовать реализации приемлемой экологической стратегии социума.

Речь об интерпретации заходит постольку, поскольку затрагивается вопрос о семантическом конституировании мира культуры как не-природы. Базисные смысложизненные ориентации антропоприродного взаимодействия, воспроизводимые в текстах культуры, т.е. так или иначе в сфере символического, в качестве своего основания отсылают нас к семантическому соотношению культурного и «натурального», природного. Социоприродное целое обретает в культуре свое символическое выражение. Поскольку «символ есть бесконечная смысловая мощь предмета, которая, разлагаясь в бесконечный ряд, осмысливает собою и всю бесконечность частных предметов, смыслом которых она является»², ключевым моментом предпосылания стратегий антропоприродного взаимодействия через символотворчество культуры становится момент интерпретации. Это интерпретация оппозиции «культура-природа», определенный тип семантического соотношения культуры с природой, транслируемый в культуре в качестве преобладающего способа мировосприятия и ограничивающий веер возможных стратегий социоприродного взаимодействия.

Выбор и осуществление приемлемой в экологическом отношении стратегии цивилизационного развития увязаны с переинтерпретацией устоявшихся принципов осмысления сопряженности культурного с природным. Необходимо не просто переосмысление взаимоотношений социума и индивида с природной средой, а внедрение особой культуры поведения на уровне обыденного сознания. Поскольку выработка и первоначальная трансляция программ экологизации обыденного сознания осуществляются через продуцирование и трансляцию текстов, т.е. как символотворчество, требуют экспликации такие моменты динамики мировосприятия, которые противостоят экофобному программированию обыденного сознания индустриальной системой. Возникает вопрос как о выявлении особых тенденций в семантическом поле современного социума, так и об отслеживании динамики современной экофобной парадигмы общественного прогресса с точки зрения динамики символического выражения оппозиции «природа-культура».

Создание эффективных программ корректировки массового экосознания требует также выявления динамики семантико-символических комплексов, предпосылающих экофобную парадигму цивилизационного развития. Какие процессы, протекающие в семантико-символической сфере, санкционируют возможность внедрения экофобных стереотипов природопользования в массовое сознание? Исследователь исторических предпосылок современного эколо-

гического кризиса Л. Уайт связывает становление современной экофобной парадигмы с утверждением католического христианства, с разбожествлением природы и прикладной теологией как предпосылкой естествознания – основы индустриальной цивилизации³. Таким образом христианство предзадает веер возможных стратегий социоприродного взаимодействия, в том числе и экофобных. Какие духовно-символические процессы способствуют закладыванию экофобной парадигмы в христианском варианте истолкования оппозиции “природа–культура”?

Русский исследователь средневековой культуры А. Веселовский констатирует следующую существенную характеристику процесса символотворчества в западноевропейской христианской культуре. “...Как символ прежде выходил из жизни, так жизнь начинает теперь определяться внесенным в нее умственным материалом, к которому отнеслась символически. В этом отличие древнего развития от нового, христианского”⁴. Возникает ситуация, когда эволюция символики, следовательно, эволюция мировосприятия, все в большей степени локализуется в сфере культуры. Природа как источник символотворчества утрачивает то значение, которое имела в дохристианский период. В мировоззренческой оппозиции “культура–природа” акцент переносится на “культурное”. Сама природа интерпретируется как специфический текст в архиве культуры. По мнению А. Веселовского, “был целый период в истории средневекового развития, когда видимая природа представлялась мыслящему человеку не как сущность сама по себе, а как внешнее выражение, покров, символ другой, высшей, сущности”⁵. В эпоху господства мифа символ вырабатывался самой жизнью. “С христианством это вырабатывание приостанавливается на всех точках развития”⁶, и природа становится комментарием к священным текстам, подлежащим расшифровке.

Через натуральную теологию как прочтение текста-природы Л. Уайт проводит связь между средневековым христианством и новоевропейским естествознанием. Естествознание отстраивается через математизацию природы, т.е. через выражение природных процессов посредством математической символизации⁷. Поскольку математизация – предельный вариант символизации, отношение к природе как к тексту культуры сохраняется. По мере сращения умозрительной науки с практически ориентированной техникой такая установка дополняется отношением к природе как к полю практической реализации научно-технических проектов и воспроизводится через их формулирование и практическую реализацию. Такое техническое преобразование природной среды, понятое как духовно-символическая деятельность, может быть проинтерпретировано как переписывание природного текста в соответствии с первичным гипертекстом культуры. Если одновременно с началом цивилизационного процесса развивается процесс семантического размежевания природного и культурного мира, то в создании научно-технической индустрии он достигает своего экстремума. Вместе с тем в новоевропейской культуре происходит соотнесение и семантическое отождествление общекультурного процесса с процессом научно-технического развития. Культура семантически соотносится с техносферой. Воспроизводится ситуация семантической соотнесенности культуры с природой, характерная для архаической стадии социального развития, однако в ином варианте. С развитием индустриального общества в массовом сознании закрепляется семантическая соотнесенность культуры и “второй” природы⁸.

Констатация этого момента позволяет выделить следующие ключевые эпизоды динамики мировосприятия в контексте смены вариантов истолкования базовой оппозиции “природа–культура” и их закрепления и трансляции в культуре. В эпоху господства мифа и нетеистских религий культурный и природный миры выступают равноправными источниками символотворчества. Культура и природа в космоцентрическом мировосприятии сохраняют паритетное соотношение. С утверждением христианства символотворчество локализуется в сфере культуры. В Новое время с развитием индустриальной системы символотворчество детерминировано развёртыванием техносферы. По мере развития индустриализации складывается техноцентристская парадигма цивилизационного процесса. Замыкание культурного развития на развитии техносферы в качестве приоритетной цивилизационной стратегии и игнорирование закономерностей функционирования биосферы как условия стабильности единой социотехноприродной системы способствуют движению экологической обстановки в сторону глобальной катастрофы.

В этой ситуации приобретает актуальность задача выявления и использования тенденций современного этапа культурного процесса, способствующих становлению контрпарадигмы техноцентризму. Нынешний этап историко-культурного процесса характеризуется следующими ключевыми моментами: ситуацией постмодерна и переходом развитых государств от индустриального типа организации общества к информационному. Наступление эпохи постмодерна и нарастающая информатизация отражают особый уровень усложнения социотехносистемы как в духовно-символической сфере, так и в техносреде. Постмодерн – это ситуация "переплетенности бесчисленных культурных знаков", в которой происходит постоянное комментирование и взаимоотсылание текстов. С другой стороны, повсеместное внедрение информационных систем в качестве посредников между социумом и промышленно-транспортными техносистемами, а также в качестве посредников между подсистемами социума сводит производственную деятельность, взаимодействие с индустриальной системой к духовно-символической деятельности. Будучи элементом техносферы, компьютерные информационные системы способствуют локализации символотворчества в культуре по отношению к техносфере, "второй" природе как источнику духовно-символической деятельности. Ситуация семантического размежевания культуры и природы воспроизводится теперь уже по отношению к техносреде. Это позволяет вести речь о наметившейся возможности замены доминирующей мировоззренческой парадигмы – техноцентристской на культуроцентристскую.

Предпосылание культуроцентристской парадигмы – одна из тенденций современного этапа цивилизационного развития. Если эта тенденция станет преобладающей и культуроцентристская парадигма цивилизационного процесса утвердится, это еще не гарантирует замену экофобных установок массового сознания на экофильные. Однако в складывании постиндустриального общества кроется парадокс. Культура как сфера смыслопорождения, становясь все более зависимой от процессов техносреды, на определенном этапе развития этого отношения зависимости освобождается от непосредственной детерминации функционированием индустриальной системы. Развитие компьютерных информационных систем в сращении со средствами массовой информации при современном уровне сложности и самодостаточности культуры как архива текстов повышает гибкость и эффективность культурного реагирования на экологическую угрозу. Вариантом такого реагирования, в частности, выступает экологическое просвещение. В социотехносистеме постиндустриального типа его результативность будет значительно превосходить эффективность экологической пропаганды в индустриальной социотехносистеме. Активное внедрение компьютерных информационных систем и преодоление социально-политических ситуаций, тормозящих их повсеместное использование, хотя и не является прямым фактором экологизации обыденного массового сознания, выступает как существенный косвенный фактор успешной экологической политики.

¹ См.: Урсул А. Д. Перспективы экоразвития. М., 1990.

² Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С.12.

³ См.: Уайт Л. // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С.188.

⁴ Веселовский А. Н. Собр. соч. СПб., 1908. Т.3. С.90.

⁵ Веселовский А. Н. // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1886. С.195.

⁶ Веселовский А. Н. Собр. соч. Т.3. С.90.

⁷ См.: Гуссерль Э. // Вопросы философии. 1992. №7. С.136.

⁸ См.: Ортега-и-Гассет Хосе // Дегуманизация искусства. М., 1991. С.40.

⁹ См.: Вопросы философии. 1993. №3. С.3.